

©1993 г.

И.В. МЕРКУЛОВ

ПРОИСХОЖДЕНИЕ И СУЩНОСТЬ «ДЕДОВЩИНЫ» В АРМИИ

Вооруженные силы столкнулись с проблемой «дедовщины» задолго до того, как она стала достоянием общественности и была признана официально. Тем не менее, взгляды на ее происхождение, в военной среде, существенных изменений не претерпели. Первоначально господствовала следующая концепция. Неуставные взаимоотношения пришли в Вооруженные силы из уголовного мира, после того, как был разрешен призыв на действительную военную службу лиц ранее судимых. (По свидетельству Б. Краснова, которое относится к 1989 г., ежегодно призывается более 50 тыс. ранее судимых юношей [1, с. 11].) Естественно, здесь трудно говорить о каком-либо понимании происхождения «дедовщины». Однако почему последняя так укоренилась именно в армии? Насколько правомерно сравнение «блатной» и «дедовской» систем?

Постепенно, особенно с развитием гласности, на первый план выдвинулась концепция другого рода, доминирующая и теперь. «Дедовщина» есть частный случай широко распространенных в обществе специфических отношений, связанных с перераспределением льгот и привилегий по признаку старшинства. Соответственно истоки такого явления следует искать в обществе, исторической ситуации, государстве и т.п., — во всяком случае не в армии. «Дедовщина» не есть нечто присущее Вооруженным силам как таковым. Взаимоотношения, характеризуемые перераспределением власти по возрастному признаку, представлены в обществе значительно шире, чем это может показаться на первый взгляд.

Если допустить, что «дедовщина» действительно не является непременным атрибутом армии, то какие условия в таком случае способствуют ее появлению?

Любое военное подразделение, войсковая часть есть в достаточной мере «государство в государстве» — система закрытая и автономная. Военнослужащие, в первую очередь срочной службы, находятся в существенной социальной изоляции. Даже если часть не

располагают отдельным гарнизоном, «точкой», находится в черте крупного города, выход за ее пределы для личного состава, а соответственно и возможности общения с внешним миром ограничены. Солдаты и матросы обычно имеют не более 1—2 увольнений в неделю. Согласно ст. 208 Устава Внутренней службы, «свидание с военнослужащим допускается в свободное от занятий время» в особо отведенной для этого в полку комнате (месте)» [2, с. 136]. Замкнутый характер социальной системы создает «внешние» предпосылки неуставных взаимоотношений, иначе говоря, социальная изоляция есть необходимое, но не достаточное условие для возникновения «дедовщины».

Какова зависимость между структурами власти и "дедовщиной?" "Дедовщина" распространена, как правило, в среде военнослужащих срочной службы, определенной категории личного состава, однородной, в целом, по своему социальному статусу.

Всего в Вооруженных силах три основные категории личного состава;

- солдаты, матросы — личный состав срочной службы;
- прапорщики и мичманы;
- офицеры.

В условиях «смешанной» группы, допустим, экипажа корабля, вопрос распределения власти решается официально. Стабильность обеспечивается системой иерархии, что исключает «борьбу за власть» между матросами и офицерами, например.

Ситуация в среде матросов и старшин складывается несколько иначе.

Во-первых, данная категория уже в пределах корабля (части) достаточно изолирована и представляет собой вполне автономную группу. На корабле личный состав срочной службы размещается в кубриках, питается в своей столовой; офицеры имеют каюты, питаются соответственно в кают-компаниях и т.д. В системе военной иерархии все подчеркивает разницу между рядовым и офицером.

Во-вторых, хотя для категории личного состава срочной службы предусмотрена собственная иерархическая лестница (существует шесть различных воинских званий), она не обеспечивает соответствующего статуса. Сержанты и старшины, как правило, не имеют должностного авторитета. Солдаты и матросы в своей массе лишены прав. Фактически Дисциплинарным Уставом (ст. III) в прямой постановке предусмотрено единственное право военнослужащего — право на личную жалобу [3, с. 47]. (Ситуация, видимо, изменится с принятием Закона о статусе военнослужащего и других нормативных актов, регламентирующих воинскую службу.)

Если следовать логике теории группового развития В. Бенниса и Г. Шепарда, группа, соответственно воинский коллектив, в своем развитии проходит как минимум две стадии, которым в свою очередь соответствуют две области внутренней неопределенности. Первой является ориентация членов группы на власть, на ее распределение в группе. Второй — область ориентации членов группы друг на друга [4, с. 143]. Прежде всего решается вопрос о власти и лишь затем вопрос о взаимоотношениях в группе. Естественно обе стадии взаимозависимы.

Встает закономерный вопрос: каким образом может возникнуть неопределенность в социальной группе, где представлена структура власти, тем более в жестких условиях системы военного управления? Очевидно, неопределенность может быть не чем иным, как следствием ослабления легальной власти.

Идеальным состоянием военной организации принято считать так называемый «уставной порядок». Последний предполагает максимальное соответствие внутреннего порядка в части, поведения военнослужащих требованиям воинских уставов и других нормативных документов. Степень свободы, следовательно, должна быть сведена к возможному минимуму.

Формирование жесткого уставного порядка может быть достигнуто лишь при наличии соответствующих мотиваций, сугубо командные методы не могут обеспечить длительного его функционирования. Несоответствие формы организации требованиям времени с необходимостью ведет к рассогласованию в системе "власть—подчинение". Поскольку «военная машина» есть часть глобального механизма государственной власти,

по большому счету, истоки неопределенности в военной организации следует искать в общественно-исторической ситуации вообще.

Стабилизация в системе власти, которая выведена из состояния равновесия, может быть достигнута следующим образом: восстановлением в полном объеме старого механизма (в данном случае речь может идти о временной стабилизации); сменой старого механизма (реформа); самопроизвольным появлением дополнительных альтернативных систем власти. Не является ли таковым «дополнением» в армии «дедовщина»? Она не только дополняет официальные структуры, но и конкурирует с ними.

Здесь следует принять во внимание различные масштабы и сферы функционирования системы военной власти и «дедовщины». Первая обеспечивает жизнедеятельность и стабильность Вооруженных сил в целом, вторая носит, скорее, «местнический» характер. Соответственно логика «дедовщины» противоречит логике легальной власти. Можно сказать, что «дедовщина» является казарменным дополнением военной организации.

"Дедовщина" есть в этом смысле «суррогат» системы власти, в котором присутствуют, впрочем, все ее необходимые атрибуты. Прежде всего, бросается в глаза стратификация. В ВМФ, например, при продолжительности службы три года существовала следующая «дедовская» иерархия: до полугода службы — «дух»; от полугода до года — «карась»; от 1 года до 1,5 лет — «борзый карась»; от 1,5 до 2 — «полторашник»; от 2 до 2,5 — «годок» («дед»); 2,5—3 года — «дембеля» (ДМБ, «профсоюз» и др.). Две последние категории представляют «элиту», две первые — «плебс», оставшиеся — «среднее сословие».

Вертикальная циркуляция в таком «обществе» практически исключена. Преемственность власти обеспечивается по достаточно стабильному признаку — сроку службы. Этим и объясняется отчасти устойчивость «дедовщины».

В пределах своей среды, с течением времени «дедовщина» обретает своего рода «легитимный» характер. Обоснования «легитимности» многообразны. Наиболее распространены ссылки на традиционность и неизменность существующего порядка (матрос П.: «... меня в свое время деды гоняли, и я молодых гоняю. Потом они будут других гонять — так принято»). Многие «деды» считают, что «дедовщина» обеспечивает процесс обучения и воспитания молодых воинов (старшина 2 статьи Х.: «... "Молодые" служить не хотят. Если их не бить, ничего не заставишь делать. Не понимают по-другому!»). При великом многообразии обычаев и традиций, норм и правил «дедовщины» их объединяет одно — жестокое и бесчеловечное отношение к подчиненным категориям.

Следует учесть и тот факт, что «дедовщина» есть явление коллективное, массовое. Как правило, неуставные взаимоотношения можно оценить как групповые действия. «Деда» не стремятся выступать в своей роли в одиночку. Система норм и ролевых предписаний регламентирует поведение представителей всех «дедовских» страт, в том числе и элиты. Представители последней, согласно «дедовской» морали, не имеют права выступать в защиту «молодых», проявить участие, милосердие. Именно «коллективизм» обеспечивает устойчивость «дедовщины». Даже самая угнетенная категория военнослужащих — «молодые» старается найти определенную выгоду в существующем порядке («Сегодня потерплю, зато потом полегче станет...»). В среде молодых военнослужащих стремление к сопротивлению, защите собственного достоинства исключительно редко встречает поддержку. На одном из кораблей матрос Н. ударил старослужащего, систематически издевавшегося над ним, графином по голове. В результате в собственном экипаже фактически оказался в полной изоляции, впоследствии был переведен в другую часть.

Единственной распространенной формой протеста против неуставных взаимоотношений является оставление части. Число таких происшествий с 1989 г. неуклонно растет. Такое положение неслучайно. К «беглецам» проявляется определенная снисходительность со стороны официальной власти, одновременно не нарушается основополагающий принцип «дедовской» круговой поруки «Не стучи!»

Такие свойства «дедовщины», как преемственность традиций, массовый характер явления» устойчивость существенно затрудняют борьбу с ней. Несмотря на серию

предпринятых с 1985 г. «крестовых походов» искоренить неуставные взаимоотношения так и не удалось.

«Дедовщина» сама по себе прошла процесс определенной эволюции. В последнее время частично ей приходится уступить место такому явлению, как «землячество» (неуставным взаимоотношениям на межнациональной почве). Зачастую данные формы отношений переплетаются, дополняют друг друга. Попытка представить «дедовщину» как разновидность отношений власти носит, вероятно, односторонний, схематичный характер. В чистом виде «дедовщина» есть в достаточной мере абстракция, модель, которая существенно корректируется реальной жизнью.

В настоящее время трудно говорить о возможности действенной борьбы с «дедовщиной», поскольку сохраняются вызывающие ее предпосылки. Ситуация может быть изменена к лучшему лишь при условии реформирования Вооруженных сил, системы военного управления, создания системы мотиваций воинской службы, профессионализации армии, обеспечения реального правового статуса военнослужащего и др. Решение проблемы должно носить комплексный характер.

Тенденции падения престижа военной службы, «безвластия», пассивного отношения к службе, со стороны офицерского состава прежде всего, сохраняются в настоящее время, и при существующих темпах военной реформы следует говорить, скорее, об обострении проблемы «дедовщины» в армии и на флоте, нежели о ее разрешении в ближайшем будущем.

ЛИТЕРАТУРА

1. Неуставные отношения, что будет завтра // Коммунист Вооруженных Сил (Армия). 1991. № 1.
2. Устав Внутренней службы ВС СССР. М.: Воениздат, 1985.
3. Дисциплинарный Устав ВС СССР. М.: Воениздат, 1983.
4. Беннис В., Шепард Г. Теория группового развития // Современная зарубежная социальная психология. М.: Изд-во МГУ» 1984.